

ЗАМІТКИ

Печать «Лазоря»

В 2017 г. корпус вислых свинцовых печатей, происходящих из Киева, пополнился ещё одной необычной находкой. Аналогий среди известных древнерусских печатей она не имеет. Представляет собой круглый диск диаметром 2 см и толщиной 2 мм. На обеих сторонах находятся равноконечные кресты, вырезанные по диаметру, и два имени, выполненные славянскими буквами: «Лазорь» и «Димітрі». Надписи размещены в четвертинках, образованных крестами, в асимметричном порядке. Слово «Лазорь» разделено на «ла» и «зо» в верхней половине, и на «р» и «ь» — в нижней. Слово «Димітрі» наоборот, в верхней части имеет по одной букве в четвертинке — «д» и «и» и по две и три — «мі» и «трі» в нижней. Есть ли в таком написании какой-то сокровенный смысл, не ясно. Не исключено, что имеем здесь дело с художественным вкусом резчика форм, таким образом уравновесившим композиционно верхнюю и нижнюю части печати буквенным наполнением.

Обращает на себя внимание хорошая грамотность резчика и его высокое каллиграфическое умение. Некоторая нечёткость имеется только в окончании имени «Димітрі», в котором, возможно, отсутствует последняя буква.

Исходя из характера начертания букв, в частности, малоформатной «з» — с длинным хвостом, обращенным к началу строки, «м» — с острой петлёй, опущенной с верхушек мачт, «р» — с полукруглой головкой, печать может датироваться концом XI — началом XII вв.

По существу, не противоречит такой хронологии и археологический контекст. Найдена печать на территории «города Изяслава-Святополка», где в XI — начале XII вв. были сооружены три храма: Св. Дмитрия, Св. Петра, Св. Михаила. В литературе эта часть Верхнего города называется ещё «Михайловской горой». Осуществляя археологическое наблюдение за отрывкой гидроизоляционной траншеи, проходившей от парковой беседки до улицы Трёхсвятительской, археолог А. Оленич на отдельных её участках обнаружил и исследовал ненарушенный культурный слой древнерусского времени. В той части траншеи, что ближе к склону, ему удалось зафиксировать следы трёх построек, из которых две — определённо жилые, а одна — производственная. При расчистке последней были зафиксированы остатки небольшой печи, а также несколько свинцовых оплавок. В заполнении построек найдены два бронзовых креста-энколпиона, четвертушка бронзового медальона с изображением правой части лица св. Ильи, фрагмент бронзового хороса, лом от бронзовых котлов, большой бронзовый обломок колокола, железный ключ, а также керамика с характерными для первой половины XII в. венчиками.

При тщательном просмотре отвалов с помощью металлодетектора число находок пополнилось несколькими фрагментами листовой меди, а также свинцовой вислой печатью, которые, несомненно, происходят из заполнения исследованных объектов. Можно только догадываться, сколько бы ещё удалось выявить подобных вещей, если бы была возможность их полного исследования...

Вряд ли может быть сомнение в том, что археологам удалось обнаружить остатки усадьбы, относившейся к монастырю. Не исключено, что её владелец был связан с производством церковной утвари, а также изготовлением печатей. В пользу этого свидетельствуют свинцовые оплавки в одной из построек и наличие бронзового лома.

При изучении печатей наибольшим авторским искушением является определение их владельческой принадлежности. Чаше это сделать удаётся, когда сами печати содержат достаточный информативный материал. Нередко исследователи вынуждены ограничиваться лишь предположениями, не имея убедительных данных для бесспорных отождествлений. К сожалению, нет их и в нашем случае, что также не позволяет выйти за пределы возможных версий.

Печать не имеет чёткого деления на лицевую и оборотную стороны и, тем не менее, аверсом, скорее всего, является та, на которой написано имя «Лазорь». В пользу этого свидетельствует большая тщательность в проработке креста, оконечности которого завершаются характерными треугольными расширениями. На другой стороне такой чёткой выраженности нет. Примечательно, что точно такие же равноконечные кресты с треугольными завершениями вырезаны на одном из найденных тут же энколпионов, что позволяет видеть в обоих изделиях руку одного мастера.

На первый взгляд с определением владельца печати особых трудностей нет. В летописи с начала 1070-х гг. и до 1118 г. неоднократно упоминается видный церковный деятель с именем Лазорь. В летописной статье, расска-

зываючай о перенесении старшими Ярославичами — Изяславом, Святославом и Всеволодом, — митрополитом Георгием, епископами и игуменами мощей Бориса и Глеба в новую вышгородскую церковь отмечено, что её настоятелем был Лазорь: «бѣ бо тогда держа Вышегородъ Чюдинъ . а црѣвь Лазорь»¹. Второе летописное упоминание о нём датируется 1089 г. К этому времени Лазорь уже игумен Выдубицкого монастыря и участвует в освящении церкви Св. Михаила: «Сѣна быѣ црѣки стго Михаила манастыра . Всеволожа митрополитомъ Иѡаномъ и епѣпы Лукою . Исаемъ . игоуменьство тогда держащу того манастыра . Лазореви»². В 1105 г. Лазорь был поставлен в переяславльские епископы: «в се же лѣѣ постави митрополитъ . Анфилохыа . епѣпа Володимерю . августа . въ . кз . томъ же лѣѣ постави Лазора Переяславлю . мѣца . ноабра . вѣ»³. Последнее упоминание епископа Лазоря относится к 1118 г. и извещает о его смерти: «В то же лѣѣ . престависа епѣпъ блженѣи Переяславскѣи Лазарь . мѣца . сеѣтабра . въ . сѣ . днѣ . и поставиша в него мѣсто . Силивестра . мѣца генваѣ въ . а . днѣ»⁴.

Из 46 лет летописной биографии Лазоря 16 приходится на служение священником в вышгородском храме Св. Бориса и Глеба, 17 — на игуменство в Выдубицком монастыре и 13 — на епископство в Переяславской епархии. Если учесть, что у священника вряд ли могла быть именная печать, а у епископа она обязательно имела бы на одной из сторон изображение святого, скорее всего Лазаря, то публикуемая печать может быть отнесена ко времени игуменства Лазоря, то есть к 1088–1105 гг. И хотя игуменских печатей мы не знаем, исключать их бытование, по-видимому, не приходится. О церковном её характере свидетельствует не только двухстороннее изображение креста с треугольными оконечностями, но также и весь археологический контекст находки. Определённо, обнаруженная усадьба принадлежала духовному лицу.

При всей кажущейся вероятности предложенного отождествления печати «Лазоря», у нас всё же нет достаточно оснований считать его единственно возможным. Мешает этому надпись «Димітрі» на обратной стороне. Если это имя передано в том же именительном падеже, что и Лазорь, тогда мы определённо имеем дело с совладельцем печати. И также, по-видимому, с лицом духовного звания, в пользу чего говорит полногласие его имени.

В летописи церковного служителя с таким именем нет. Дважды оно встречается в надписях на стенах Софии Киевской — в одном случае в подобной полногласной форме: «гѣ помози рабоу Димитриосе». С.А. Высоцкий полагал, что греческая флексия — «ос» появилась здесь под влиянием находящегося рядом изображения Дмитрия Солунского⁵. Палеографические особенности этой надписи, в частности употреблённые в имени три широкие буквы «н», не позволяют сблизить её с надписью на печати, в которой слово «Димітрі» содержит две десятиричные буквы «і».

Выше уже шла речь о том, что слово «Димітрі» не имеет окончания. В нём отсутствует последняя буква, которая могла быть или «и» — «Димітріи» или

«А» — «Димітріа». В последнем варианте мы получили бы словосочетание «Лазорь Димітріа». Второе слово в нём означало бы не имя, а название, скорее всего, монастыря Св. Дмитрия, основанного в 1060-е гг. Изяславом Ярославичем. Это тем более вероятно, что печать и выявлена на его территории. Продолжая этот предположительный ряд, можно заметить, что владельцем печати мог быть игумен монастыря по имени Лазорь.

Такой интерпретации, как будто, противоречит некоторая светскость надписи, отсутствие перед словом «Димітріа» определения «святого». Но на печати это может объясняться ограниченностью места. Правда, подобные написания встречаются нередко и на страницах летописей. Например: «В се лѣѣ . преаша цркъвь Дмитриа Печеране . и нарекоша ю Петра . съ грѣхоми великии . и неправо»⁶. Здесь речь о той самой церкви, по имени которой был назван монастырь Изяслава.

Заманчиво было бы предположить, что речь идёт о всё том же историческом Лазоре, оказавшемся, по пути из Вышгорода в Переяславль, ещё и в Дмитриевском монастыре, но доказательств для этого, к сожалению, нет. Это мог быть и какой-то другой Лазорь. Может быть тот, о смерти которого имеется запись XII в. в крещальне Софийского собора: «Преставис[А] раб [б]жии Лазо[р]ь мѣца июна въ .Ѡ. д[нь]». С.А. Высоцкий, обнаруживший и прочитавший эту надпись, отметил, что личность Лазоря остается неустановленной⁷. Определённо можно только сказать, что это был не рядовой клирик, раз удостоился памятной записи в митрополичьем Софийском соборе.

Автор осознаёт относительность предложенных интерпретаций, что, впрочем, естественно, учитывая уникальность исследуемой печати и то, что она известна пока что в единственном экземпляре.

1 ПСРЛ 2: 172.

2 ПСРЛ 2: 199.

3 ПСРЛ 2: 257.

4 ПСРЛ 1: 291.

5 Высоцкий С.А. *Средневековые надписи Софии Киевской. По материалам граффити X–XVII вв.* К., 1976, 75.

6 ПСРЛ 1: 299.

7 Высоцкий С.А. *Средневековые надписи Софии Киевской*, 63.